

Здравствуйте, Поль Робсон!

От собственного корреспондента
«Комсомольской правды»

приветственную телеграмму борцам за мир, собравшимся недавно в Стокгольме.

Восемь лет словно в застенках. Владельцы театров отказывали в залах для проведения концертов. Телевидение, радио наглухо закрыли для него эфир. Правительство не давало заграничного паспорта, чтобы выехать на гастроли. Восемь лет хождения по судам. Но все эти годы честные американцы и англичане, русские и французы, люди всех национальностей требовали: «Свободу Полю Робсону!» И вот борьба увенчалась успехом. Паспорт в руках. Робсон в Лондоне.

...На аэродроме его встречали друзья или просто поклонники. У всех собравшихся приподнятое настроение. Оно немного портится, когда сообщают, что к самолету никого не допустят. Зачем-то всюду торчат полицейские. Людей перегоняют с места на место, наконец загоняют на маленькую площадку, окруженную железной изгородью. Вход заслоняет полицейский. «Моя девочка осталась там, на тротуаре, — умоляет пожилая женщина, — разрешите пройти». В ответ — молчание, хотя до тротуара четыре шага. Перед толпой курсирует полицейская машина, вооруженная сиреной и репродуктором. «Для чего это нужно?» — недоумевают встречающие. «Обеспечить порядок!» — зло выкрикивает мужской голос.

Но вот самолет подруливает. Издалека не видно спускающихся по лестнице пассажиров. Соли Сакс, южноафриканский профсоюзный деятель и писатель, нервно протирает очки. Чернолицый юноша кричит: «Хэлло, Поль!» Все машут руками, поднимают цветы, хотя Робсона никто не видит.

В тот день лишь издалека я видел его широкие плечи, радостный голос, покоряющую улыбку. К нему невозможно было приблизиться.

Вскоре я снова увидел Робсона. Это было в клубе, где собрались члены комитета в защиту Робсона, видные парламентарии, писатели, артисты, просто гости. Просторный, уютный зал был переполнен. Молодежь сидела прямо на полу, чтобы другим, стоящим позади, был виден стол, за которым сидел Робсон. Юноши из Ганы в национальных костюмах приветствовали его негритянской песней под удары барабанов. Затем к микрофону подошел пожилой человек.

— Сегодня у нас самый счастливый день, — сказал он. — Наш комитет прекращает свое существование, так как, к нашей большой радости, он исчерпал свои функции. Наш Поль Робсон среди нас! Он приехал в Англию как талантливый артист. Но мы его знаем как человека пламенного и честного сердца. Если бы все американцы были такими, как он, войска США не высадились бы в Ливане...

Глаза у Робсона блестели от слез. Рядом с ним сидела жена — Эсланда, разделившая все его невзгоды.

Поль говорил около часа. И как говорил! Пожилые женщины приподнимались на цыпочки, чтобы увидеть его... Журналисты забыли о блокнотах. Мягкий баритон то рокотал, как гром, то плавно разливался по залу. Казалось, могучая река, наконец, вышла на простор и спокойно вливалась свои воды в море.

Речь Робсона заворожала всех. Чувствовалось, что говорил он от всего сердца. Оно много выстрадало, но не постарело. Оно по-прежнему поет о борьбе, братстве и равенстве. Оно никогда не сдастся! Эта уверенность проникла в душу каждого, кто слушал в тот день Робсона...

Робсон временно остановился в гостинице «Сант Джеймс корт», в самом центре Лондона. Швейцар спрашивает:

— Вас ждут? Мистер Робсон большой человек. Его время нужно беречь...

Швейцар успокоился, когда в дверях появилась Эсланда Робсон.

«Входите, пожалуйста, Поль ждет!» — сказала она. У Робсона отличное настроение. Он шутит и, не дожидаясь вопросов, рассказывает о своих творческих планах и мечтах.

Англия дорога Робсону. Здесь помнят его ранние артистические успехи, любят и уважают. Отсюда он выехал в охваченную огнем Испанию. Ему хочется побывать в Манчестере, где зародилось движение за возвращение Робсону заграничного паспорта. Он хочет повидать портвиков Глазго, шахтеров Эдинбурга, с которыми давно дружит.

Робсон вспоминает последние дни перед отъездом. Злосчастный паспорт был уже в кармане. Но вот, по наущению Даллеса, американский президент обратился в конгресс с законопроектом, разрешающим госдепартаменту не выдавать паспорта «нежелательным», «инакомыслящим» американцам. Робсон улыбается:

— Друзья негры, услышав об этом законе, прибежали ко мне: «Поль, уезжай поскорее». Я задержался из-за сборов. Я знаю многих прогрессивных американцев, которые добиваются сейчас заграничных паспортов. То, что я получил право на выезд, многими воспринято в США как большая победа. Кстати, восемь лет для меня не пропали даром...

Робсон говорит, что все эти годы серьезно занимался искусством и теперь может считать себя не только певцом, но и музыковедом.

— Москва, далекая, далекая, — сколько теплых слов пришло оттуда! — задумчиво произносит он и снова оживляется. В Лондоне много хлопот. Отсюда Робсон послал

Его радует, что там присутствовала большая делегация пробуждающейся Латинской Америки, были там и делегаты США.

Приглашения выступить с концертами поступают из многих уголков земного шара. Тысячи и тысячи людей хотят сказать ему: «Здравствуйте, Поль Робсон!» Есть у Робсона мечта сыграть Отелло в Стратфордском шекспировском театре. Это планируется на осень, а перед этим — поездка на Советский Союз.

— Больших успехов, дорогой Поль Робсон!

Мы крепко жмем руку этому неутомимому человеку...

Через несколько дней после этой встречи Поль Робсон выступил по телевидению. Он вошел в комнаты миллионов англичан «как живой с живыми говоря». Десятого августа состоялся его концерт в «Ройал Альберт холл».

Это один из крупнейших концертных залов Лондона. Он вмещает до шести тысяч зрителей. Но все равно, мест не хватило. Безнадежно толпились у касс в длинной очереди сотни лондонцев. Билеты были давно распроданы. Робсон исполнил негритянские, американские, английские песни. Пел он и русские — «Эй, ухнем», «Ах ты, плутишка!», «Сироту» Мусоргского. А потом выбросив могучие руки в стороны, словно обнимая весь мир, он запел:

— Стройте дорожку мира — широкую, без конца и без края... Братья, шагайте вместе один за всех и все за одного!

Робсон включил в программу пятнадцать песен, а спел 23. Но все равно его не отпускали со сцены. Наконец он поднял руку и сказал:

— Мы еще увидимся. Я приехал сюда надолго! Я буду петь для вас и хочу, чтобы вы пели со мной.

В. СИЛАНТЬЕВ.

Лондон, 14 августа.